

Владимир Кожевников

**Симфония
Колец**

Владимир Кожевников

Симфония Колец

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Симфония Колец / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

«Симфония Колец» — космическая опера, где музыка становится ключом к нечеловеческому разуму. На станции «Резонанс» среди живых Колец, поющих на частотах, сводящих с ума, встречаются двое: опальный лингвист Эйден Фокс и глава службы безопасности Рианнон Ши. Десять лет назад их разорвал метановый ливень и взаимный страх. Теперь Эйден возвращается, чтобы расшифровать язык Колец, а корпорация «Амбер-Ген» готовит бурение. Вместе с изгоями — телепатическими близнецами, девочкой с флейтой и старым интерпретатором, превращающимся в кристалл, — герои проникают в запретные лаборатории и учатся слышать не грамматику, а душу Песни. Когда до старта буровых остаются часы, Кольца предлагают не оружие, а эмпатию. Сможет ли «Симфония Единства» остановить насилие — и какой нотой заплатят герои?

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ласточка	5
Глава 2. Причал разбитых сердец	8
Глава 3. Девочка, которая слышала тишину	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Симфония Колец

Глава 1. Ласточка

Небо над станцией «Резонанс» никогда не знало пустоты. Оно кишело огнями: миллиардами кристаллических граней, выстроенных в идеальную плоскость, которая рассекала космос, как бритва — шёлк. Кольца. Живые, дышащие, поющие. Их осколки переливались цветами, которых не фиксировал ни один человеческий глаз: фантомно-зелёный пах озоном и страхом, звуковой синий резонировал в височных костях, а гравитационный ультрафиолет заставлял желудок подпрыгивать, как при резком старте. И они пели. Всегда. Вечно. Без остановки.

Корабль «Ласточка» вынырнул из подпространства в тридцати тысячах километров от внешнего края системы. Старый рейнджер класса «Кестрел», ободранный, как бармен после ночной смены — потёртый, но опасный, — нёс на своём борту семнадцать человек. Отщепенцы Академии Ксено-Лингвистики Марса. Изгои, которых вышвырнули за то, что они посмели предположить: нечеловеческий разум может говорить не импульсами и бинарными кодами, а мелодиями. Мечтатели, списанные в утиль. И один человек с сердцем, которое давно следовало заменить на протез — меньше болело бы.

Эйден Фокс стоял у обзорного иллюминатора. Его пальцы, поросшие въевшейся графитовой пылью (он вечно чинил старые декодеры), сами собой выстукивали ритм по холодному металлу переборки. Он слышал Кольца. Не ушами — затылком, позвоночником, тем древним отделом мозга, который отвечает за страх и восторг одновременно. Амигдала танцевала под их дирижёрскую палочку.

— Это грамматика, — сказал он пустоте. — Синтаксис. Падежи и спряжения, мать их. Чёрт возьми, это язык.

— Синтаксис не объясняет, почему моя кружка вибрирует, — раздался голос сзади.

Эйден обернулся. Капитан Итан Дорн стоял в дверях рубки, держа в руке термокружку с чёрной надписью: «Я пережил гибель «Глории» и получил только эту дурацкую надпись». Его лицо напоминало карту звёздных маршрутов — каждая морщина была чьей-то потерей. Он не говорил о прошлом. Никто на «Ласточке» не говорил. Слишком многие бежали от воспоминаний.

— Я не разговариваю сам с собой, — поправил Эйден. — Я практикуюсь в языке, на котором говорят объекты массой в триллион тонн.

— Для практики нужен собеседник.

— Скоро будет. — Эйден кивнул в сторону станции. — «Резонанс» кишит интерпретаторами. Людьми, которые слышат Кольца так же, как я. Только они — художники. Они чувствуют музыку, но не понимают её структуры. А мы — учёные-изгои. Нас вышвырнули за попытку перевести чувства в формулы. Я пришёл соединить то и другое.

Итан сделал глоток. Поморщился — синтетический кофе станции был хуже, чем на «Ласточке», а это достижение. — Есть проблема. «Амбер-Ген» прислала своего человека. Глава службы безопасности. Женщина по фамилии Ши. Прилетела на персональном шаттле «Эклипс-S9». С вооружённым эскортом.

Кровь отхлынула от лица Эйдена. Десять лет. Десять лет, два месяца, одиннадцать дней. Не то чтобы он считал. Просто каждую ночь в полусне он слышал её голос — командный, ледяной, который в их единственную ночь на Титане стал тёплым, как дыхание вулканического источника.

— Рианнон, — выдохнул он.

— Ты побледнел. Сильнее, чем обычно. — Итан склонил голову. — Бывшая?

— Начальница. И... да. Бывшая. В смысле, мы были вместе одну ночь. Но та ночь стоила десяти лет ада.

— Хуже, чем я думал. — Капитан усмехнулся. — Ты прыгнул в огонь ради неё?

— В метановый ливень, — тихо поправил Эйден. — Она считала, что может перехитрить систему раннего предупреждения. Не смогла. Её заклинило в гермокуполе. Я пошёл за ней.

— И?

— И она меня уволила. Сказала, что нарушил прямой приказ оставаться на базе. Но я видел её глаза. Она лгала. Она испугалась не приказа. Она испугалась, что я умру из-за неё. И решила, что проще вычеркнуть меня из своей жизни, чем научиться доверять. Я тогда не посмел остаться. Думал — она права. Что любовь делает слабым.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что без любви нет силы. Есть только пустота. — Эйден посмотрел на Кольца. — Они учат меня этому. Каждый день. Каждой нотой.

Итан молчал несколько секунд. Потом протянул Эйдену свою кружку. — Держи. Тебе нужнее.

— Я не пью эту бурду.

— Тогда просто стой и смотри. — Капитан повернулся к иллюминатору. — Потому что через десять минут мы стыкуемся. И твоя ледяная королева будет ждать на причале с бластером на поясе и списком твоих грехов.

Эйден не ответил. Он смотрел на Кольца. И впервые за десять лет ему показалось, что они поют не эмпатию и эйфорию, а что-то другое. Предупреждение. Или обещание.

Флешбек пришёл обрывками, без спроса.

Титан. Метановый дождь — капли тяжелее воды, пахнущие тухлыми яйцами и смертью. Гермокупол полевой базы заклинило на полуоткрытом клапане. Рианнон внутри — скафандр трещит по шву на плече. Эйден снаружи — без скафандра, только респиратор и молитва. Он пролез через аварийный люк, который проектировали для карликов. Вытащил её. Нёс на себе двести метров до шлюза. Она шептала: «Брось меня, идиот». Он тащил дальше.

А потом, в лазарете, когда она пришла в себя, её глаза стали чужими. «Ты уволен, Фокс. Завтра же. Нарушение приказа первой степени. Соберёшь вещи и уберёшься с моей станции».

«Рианнон, я тебя люблю».

«А я не люблю слабаков, которые умирают из-за глупых чувств. Убирайся».

Она отвернулась к стене. Но он заметил, как дрожат её пальцы, сжимающие одеяло. Она лгала. Он знал это тогда. Но был слишком молод и напуган, чтобы остаться. Он ушёл.

И десять лет учился прощать. Её. Себя.

Стыковка.

Металлический лязг захватов сотряс корпус «Ласточки». Воздух в рубке на секунду стал плотнее — включилась система адаптации давления. За иллюминатором поплыли огни станции «Резонанс» — огромной конструкции, собранной из десятков модулей разных эпох и рас. Некоторые блоки были старыми, ещё довоенной постройки, с ржавыми швами и заплатками из нанопластика. Другие — новенькие, корпоративные, с зеркальными панелями, на которых красовалась эмблема «Амбер-Ген»: янтарная спираль, обвивающая атом.

— Стыковка завершена, — объявил динамик. — Всем членам исследовательской группы приготовиться к прохождению карантина.

— Итан, — сказал Эйден. — У тебя есть что-нибудь, что стреляет?

— Ты хочешь застрелить бывшую?

— Нет. Хочу, чтобы она знала: я готов защищать то, за чем прилетел. Язык Колец. Если она встанет на пути, я не отступлю. Даже ради неё.

Итан полез в ящик рундука, вытащил старый «Кольт-Кесслер» — электромагнитный пулевик с гравитационным компенсатором отдачи. — Держи. Но, Эйден... если нажмёшь на спуск, смотри не туда, где её сердце. У тебя рука дрогнет. У всех дрожит, когда стреляешь в любовь.

Эйден взял пистолет. Взвесил на ладони. Потом сунул за пояс.

— Пошли, — сказал он. — Посмотрим, какую симфонию мы сможем сыграть вдвоём. Или друг против друга.

Шлюз открылся. Кольца запели громче. Им вторило сердце Эйдена — разбитое, но всё ещё живое.

Глава 2. Причал разбитых сердец

Шлюз «Ласточки» открылся с шипением разгерметизации — резким, как крик чайки, перерезанной осколком. Эйден Фокс шагнул в коридор стыковочного узла станции «Резонанс». За его спиной маячил капитан Итан, лениво перекатывающий во рту незажжённую сигару — привычка, от которой он не мог избавиться даже в вакууме.

Воздух станции пах озоном, пережаренным синтекофе и страхом. Сотни людей, которые жили здесь годами, привыкли к Песне Колец, но никогда не переставали бояться её: боялись сойти с ума, потерять себя, превратиться в тех безумцев, что бродят по нижним уровням, напевая мелодии на нечеловеческих частотах.

— Персонал к проходу! — рявкнул динамик. — Прибывшие с «Ласточки» следуют за мной в зону карантина. Лингвистическая группа — отдельно.

Эйден и Итан переглянулись.

— Это она, — сказал капитан. — Рианнон уже перетасовала колоду.

Из бокового коридора вышел человек в форме службы безопасности станции — стандартный серый комбинезон с янтарной нашивкой «Амбер-Ген». Молодой, с прилипшим к планшету взглядом, он явно нервничал. Его пальцы лежали на кобуре, хотя угрозы не было.

— Эйден Фокс? — спросил охранник, сверившись с экраном. — Следуйте за мной. Остальные — в общий зал ожидания.

— Это ещё почему? — Итан шагнул вперёд. — Мы одна команда.

— Приказ главы службы безопасности станции. — Охранник сглотнул. — Личное распоряжение мисс Ши.

Эйден положил руку на плечо капитана. — Всё в порядке, Итан. Я справлюсь.

— Ты хоть пистолет не забудь. — Итан кивнул на пояс Эйдена, где под курткой скрывался «Кольт-Кесслер». — И помни: если она начнёт стрелять — падай и катись влево. У неё, наверное, всё ещё слабое правое запястье после Титана.

Эйден усмехнулся. — Ты запомнил?

— Я капитан. Я всё запоминаю. Особенно медицинские показатели членов команды. — Итан подмигнул. — Иди. Я пригляжу за твоими вещами.

Охранник повёл Эйдена по коридору, петляющему между гермошлюзами. Стены здесь были старыми, ещё с первоначальной постройки — гофрированный металл, покрытый слоями краски, облупленной радиацией и временем. На каждом шагу встречались таблички: «Зона переменного давления», «Акустический риск», «Не приближаться к Кольцам без блокираторов».

— Далеко? — спросил Эйден.

— Комната для собеседования, второй уровень, — ответил охранник. Он хотел сказать «допросов» — Эйден это понял по тому, как дрогнули его губы.

— Значит, она меня всё-таки ждёт.

Охранник не ответил. Он остановился у массивной двери с надписью «А-17» и приложил ладонь к сканеру. Дверь открылась с тошнотворным гулом — низкая частота, от которой у Эйдена заныли зубы. Песнь Колец проникала сквозь стены, искажаясь металлическими переборками, но не теряя силы.

Внутри оказалось небольшое помещение: стол, два стула, голографический экран на стене. Никаких иллюминаторов. Только голые стены и мертвенный свет люминесцентных ламп. Комната была стерильной, как операционная.

— Ждите, — сказал охранник и вышел.

Эйден остался один. Он сел на стул, провёл рукой по гладкой поверхности стола — ни царапины, ни пятнышка. Прошло пять минут. Десять.

Потом дверь открылась снова.

Рианнон Ши вошла так, будто пришла не в комнату, а на дуэль. Её чёрная форма главы безопасности была безупречна — ни складки, ни пылинки. Волосы, пепельно-русые, стянуты в тугой пучок. На поясе — бластер корпоративного образца, кобура с дополнительным магазином. И глаза — ледяные, серые, как штормовое небо над Титаном. Те же глаза, которые десять лет назад смотрели сквозь него.

— Фокс, — сказала она. Без приветствия.

— Ши, — ответил он. — Долго же ты собиралась.

Она села напротив, не спросив разрешения. Её пальцы легли на стол — длинные, с аккуратно остриженными ногтями. Никакого намёка на дрожь. Но когда она положила левую руку, Эйден заметил едва заметное движение: она коснулась правой рукой левого запястья, погладила шрам, которого не было видно под формой. Жест, который она не контролировала.

— Твой визит на станцию не согласован с «Амбер-Ген», — начала она. — Ты прибыл как гражданский на исследовательском судне. Но моя разведка докладывает, что ты связан с группой так называемых «изгоев», которые выступают против добычи кристаллов. Это правда?

— Я учёный, — ответил Эйден. — Меня интересует язык Колец. А то, что корпорация хочет взорвать этот язык ради топлива, — твои проблемы.

— Мои проблемы — безопасность станции. — Рианнон наклонилась вперёд. — Если ты начнёшь мутить воду, Фокс, я посажу тебя в карцер до прибытия следующего транспортника и отправлю обратно на Марс. Даже не моргну.

— Ты и раньше не моргала, — тихо сказал Эйден. — Помнишь Титан?

Её зрачки расширились. Всего на долю секунды. Потом снова сузились. Она снова коснулась запястья, но тут же отдернула руку.

— Титан был десять лет назад. Я изменилась.

— Я тоже, — Эйден полез за пазуху и вытащил «Кольт-Кесслер». Положил его на стол между ними. — Вот. Теперь у меня есть оружие. И я готов защищать то, во что верю.

Рианнон посмотрела на пистолет. Потом на Эйдена. Взяла оружие в руки, взвесила.

— На станции «Резонанс» запрещено личное огнестрельное оружие. Пункт 34 регламента безопасности. — Она отодвинула пистолет в сторону. — Ты нарушил протокол. Это вещдок. Оружие остаётся у меня.

— А я остаюсь на станции, — сказал Эйден.

— Пока. — Она встала. — Я буду следить за каждым твоим шагом. Одно неверное движение — и ты покинешь станцию в кандалах.

— Рад, что мы поняли друг друга, — Эйден поднялся. — И, Рианнон...

— Что?

— Ты сказала, что изменилась. А я изменился так, что научился слышать ложь в голосе. И видеть её в жестах. Ты всё ещё трогаешь запястье, когда нервничаешь.

Она замерла. Её рука, только что тянувшаяся к запястью, повисла в воздухе.

— Убирайся, Фокс, — прошептала она.

— Ухожу.

Он вышел, но у двери обернулся. Рианнон стояла к нему спиной, положив ладони на стол. Плечи её были напряжены. Она не обернулась.

Песнь Колец зазвучала тише — или это кровь перестала стучать в ушах?

Тем временем в общем зале ожидания.

Феликс и Фелиция Векс сидели на пластиковых креслах, плечом к плечу, как два солдата перед боем. Они были похожи — одинаковые светлые волосы, одинаковые ямочки на щеках, одинаковые родинки под левыми ключицами. Генетическое совпадение — сто процентов. Но

разница была в глазах. У Феликса — цвета мокрой стали, спокойные и наблюдательные. У Фелиции — зелёные, как мох на старых камнях, живые и беспокойные.

Их связка работала безотказно. Не телепатия в прямом смысле — слова не передавались. Но эмоции, боль, страх, радость перетекали от одного к другому, как вода в сообщающихся сосудах. Если Фелиция ушибал палец, Феликс чувствовал тупую боль в том же месте. Если Феликсу было тревожно, Фелиция начинала кусать губы.

Он встретился с ней, передала Фелиция. Эйден. Весь на нервах.

Вижу, ответил Феликс, хотя они сидели рядом и не смотрели друг на друга. Но он держится.

Потолок зала ожидания был низким, усеянным вентиляционными решётками, из которых сочился влажный, спёртый воздух. На стенах висели голографические плакаты корпорации: «Кристаллы — наше будущее», «Амбер-Ген заботится о вас». Из динамиков доносилась приглушённая, искусственно успокаивающая музыка — смесь белого шума и инфразвука, призванная заглушить Песнь Колец. Но Песнь всё равно пробивалась, заставляя вибрировать стаканчики в автомате с кофе.

Капитан Итан подошёл к близнецам, разминая шею. В одной руке он держал планшет с мигающим сообщением.

— Только что получил, — сказал он, садясь напротив. — «Амбер-Ген» запросила ваши профили. Интересуются вашей связью. Хотят знать, можно ли её использовать.

Фелиция побледнела. Её пальцы вцепились в руку брата.

— Использовать как оружие? — спросила она.

— Или как инструмент для... коммуникации с Кольцами. — Итан понизил голос. — Представьте: если вы можете чувствовать друг друга за тысячи километров, может быть, вы сможете чувствовать и кристаллы. Стать интерпретаторами нового типа.

Феликс покачал головой. — Это опасно. Мы и так с трудом отключаемся друг от друга. А если Кольца начнут петь через нас...

— Я не позволю, — твёрдо сказал Итан. — Пока я капитан «Ласточки», вы под моей защитой. Корпорация не получит доступа к вашим геномам без моего разрешения.

Фелиция посмотрела на него долгим взглядом. На его руки — крупные, в шрамах от старого ожога (она заметила это ещё при посадке). На его лицо — усталое, но какое-то... надёжное. Как скала. Как старый якорь, который не выдернет даже самый сильный шторм.

Влюбилась, пришла мысль от Феликса. Не вопрос. Утверждение.

Заткнись, ответила она.

Я чувствую твоё сердцебиение, сестра. Оно участилось на двадцать ударов в минуту, когда он сел рядом.

Я сказала — заткнись.

Итан, не подозревающий о внутреннем диалоге, откинулся на спинку кресла и посмотрел на потолок, где тускло мерцали аварийные лампы.

— Знаете, что мне в вас нравится? — сказал он вдруг.

— Что? — спросила Фелиция, слишком быстро.

— Вы — единое целое. Не два человека, а одна система. Я всю жизнь искал что-то, что не ломается. Мосты ломаются. Корабли ломаются. Люди... тоже. А вы — нет.

Феликс и Фелиция переглянулись.

— Вы нас едва знаете, капитан, — сказал Феликс.

— Достаточно, чтобы понять. — Итан зевнул. — Ладно, пойду проверю, не убили ли нашего лингвиста.

Он ушёл. Фелиция смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Потом закрыла глаза и прошептала одними губами:

— Боже, какой же я идиот.

Да, согласился Феликс. Но я тебя люблю.

Песнь Колец просочилась сквозь стены. На этот раз она звучала как мелодия, которую Фелиция где-то уже слышала. В детстве. Во сне. Или, может быть, в другой жизни.

Глава 3. Девочка, которая слышала тишину

Эйден нашёл своих в лазарете станции. Не потому, что кто-то заболел — просто Итан решил, что безопаснее держаться ближе к медблокам: там меньше камер наблюдения «Амбер-Ген». Все члены команды «Ласточки» сдали личное оружие при входе — таков был протокол станции, подписанный капитаном без возражений. Итан ворчал, но подчинился. Теперь он сидел на пластиковом стуле, машинально потирая пустую кобуру на поясе.

— Ты жив, — констатировал капитан, когда Эйден вошёл, тяжело дыша после быстрой ходьбы по коридорам. — Уже хорошо.

— Она забрала пистолет, — сказал Эйден, опускаясь на кушетку. — И пригрозила карцером.

— Ожидаемо. — Итан пожал плечами. — Но ты получил главное — доступ на станцию.

— Пока да.

Фелиция и Феликс сидели в углу, подключив свои нейроинтерфейсы к местной диагностической панели. Пальцы Феликса летали над голографической клавиатурой, оставляя за собой мерцающий шлейф. Фелиция следила за показателями, покусывая губу.

— Песнь Колец здесь сильнее, чем на «Ласточке», — сказала она, не оборачиваясь. — Вибрации проникают в энергосистему станции. Если бы не демпферы, у людей началась бы массовая эпилепсия.

— Или массовое просветление, — заметил Эйден. — Смотря как настроиться.

— Ты всё ещё веришь, что это язык? — спросил Феликс.

— Я это знаю. — Эйден встал. — Где тут старый интерпретатор? Амос Вейл?

В комнате повисла тишина. Итан перестал жевать свою сигару.

— Амос — это... легенда, — сказал он наконец. — Он живёт на нижних уровнях. Говорят, он уже наполовину кристалл. И никого к себе не подпускает.

— Он подпустит меня, — уверенно сказал Эйден.

— С чего ты взял?

— Потому что я пришёл не за деньгами и не за славой. Я пришёл учиться.

В этот момент дверь лазарета открылась, и на пороге появилась девочка. Лира — та самая сирота, которую «Ласточка» подобрала три месяца назад на заброшенной орбитальной станции у Юпитера. Её родители погибли при аварии рудничного буксира; она осталась одна, выжила в пустом модуле две недели, питаясь аварийным пайком. Эйден видел её несколько раз на корабле, но она всегда держалась особняком. Теперь она стояла перед ним — худая, с взлохмаченными рыжими волосами, в грязном комбинезоне, который ей явно был велик. В руках она держала старую флейту — потрёпанный инструмент с треснувшим мундштуком.

Все замерли.

— Вы ищете Амоса? — спросила Лира. Голос у неё был низкий, не по возрасту серьёзный. — Я проведу. Но только одного.

— Почему ты хочешь нам помочь? — спросил Итан, машинально положив руку на пустую кобуру — старый рефлекс капитана.

— Амос сказал, что сегодня кто-то придёт. Тот, кто слышит тишину так же, как я. — Лира посмотрела на Эйдена. — Он велел привести его.

— Ты знаешь Амоса? — спросил Эйден.

— Он мой учитель. — Девочка улыбнулась. — Я нашла его, когда лазала по нижним уровням. Мне было скучно, а там тихо. Ну, как тихо — там громко, но по-другому. Амос услышал, как я насвистываю мелодию Колец, и позвал меня. Говорит, у меня «абсолютный слух на правду». Не знаю, что это значит. Но он сказал, что я — его последняя нота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.